

Окончание. Начало — на стр. 1

МОЖНО СКАЗАТЬ, что если 1960-е—начало 1970-х г. было радикальной фазой формирования новой элиты, то 1970-е — консервативной. Естественно, не все бунтари 1960-х, а меньшая часть; не все перебесившиеся и успокоившиеся в 1970-е, а, опять же, меньшая их часть стали новой образованной элитой, но именно радикальные шестидесятые и консервативные семидесятые стали тем "первичным бульоном", в котором зарождался будущий новый верхний класс (НВК), поднявшийся "на костях" традиционного среднего класса. Сначала они взойшли на "верхние этажи" старого среднего класса, а затем превратились в особую социальную и демографическую категорию, которая монополизировала, подымала под себя целый ряд профессий, отбросив средний класс и образованную часть рабочего класса вниз по социально-экономической лестнице.

Весьма поспоспобствовала тому, чтобы "образованные просто одолели" (М. Ножкин), информационно-коммуникационная революция в научно-технической сфере и неолиберальный курс

Андрей ФУРСОВ

ВУЛЬГАРНАЯ ЭЛИТА

О деградации штатовской небулжуазии

("рейганомика") в социально-экономической. В результате новый средний класс обернулся новым верхнесредним или просто новым верхним классом, небулжуазией. Прав Брукс: так завершился процесс слияния ценностей контркультуры 1960-х и буржуазного мейнстрима. Можно сказать иначе: контркультура 1960-х—начала 1970-х годов объективно стала средством создания, кристаллизации новых групп булжуазии, адекватных новому этапу развития американского и западного в целом общества. Препарированная контркультура, как это ни парадоксально, стала для части образованного меньшинства социальным оружием в борьбе за место под солнцем: отчасти — против старой булжуазии (но только от очень небольшой части) и, главным образом, против старого среднего слоя и образованных работяг.

Есть существенная разница между критикой буржуазных ценностей такими, например, людьми, как Синклер Льюис, Торстейн Веблен, Джон дос Пассос, Эрнест Хемингуэй, — с одной стороны, и контркультурной критикой, — с другой. Последняя с её ультраиндивидуализмом, нарциссизмом, презрением к работягам и "мидлам", — была хорошо приспособлена для присвоения, поглощения её Системой и погашения бунта. "С тех пор, как булжуазия приспособила под себя культуру 1960-х — пишет Брукс, — такой бунт утратил актуальность. Когда богемные символы поглотил мейнстрим, они утратили свой контркультурный пафос". И весь этот пафос, в конечном счёте, ретроспективно оказался всего лишь оружием молодой, хищно-эгоистичной фракции среднего слоя в борьбе за то, чтобы подняться над основной массой этого слоя.

Со временем в руках этого слоя контркультура "материализовалась": в виде единства прибыли, ренты и властной/информационного контроля, в виде карьеры, путешествий, "раскрытия собственного я", — прежде всего, опять же в карьере и получении престижной работы. "Белл полагал, что наблюдает закат булжуазии, — пишет Брукс, — однако складывается впечатление, что булжуазия получила новое рождение, потготив богему и будучи потгощённой богемой, с её творческой энергией". Здесь Брукс противоречит самому себе, поскольку прекрасно показывает нетворческий характер бобо — буржуа богемного типа. И говорить нужно не столько о новом рождении, сколько о весьма специфическом обновлении, когда изнанка и лицевая часть меняются местами. Бобо — это такое же "новое рождение" для булжуазии, как финансовализм — для капитализма, т.е. вырождение и путь вниз. Но для старой пенсионный возраст себе на несколько десятилетий булжуазия в виде бобо, похоже, продлила.

Синтез контркультуры и булжуазности породил новые социальные коды как средство отсечения социально чужих от общественного пирога, новую социально-политическую корректность и новую иерархию, намного более жёсткую и хищную, чем в 1960-е—1970-е годы, и связанную с наличием/отсутствием престижной работы, престижных форм отдыха, быта, иными словами — структур поведенности, выстроенных с определённым вкусом и, в свою очередь, этот вкус порождающих.

Детально описывает повседневную жизнь и вкусы бобо-элиты Д. Брукс. Он начинает с простого наблюдения: заглянем, пишет он, в обычную американскую школу, а затем — в элитарную. В первой рядом с детьми 7–10 лет мы увидим женщин 28–32 лет и мужчин чуть постарше, тогда как в элитарных школах это будут женщины хорошо за 30 или даже 40-летние, а мужчины вообще могут быть 50-летними. Если в старых богатых семьях женщины рожали в том же возрасте, что и простолюдины тогда и сейчас, то представительницы НВК рожают в 30–32 года, а то и старше. К родам, как и к здоровью в целом (уровень холестерина, давление, диета и т.п.), а следовательно — к спорту, отношению в НВК совершенно особое.

Новые богатые живут в качественно ином информационном мире по сравнению с тем, в котором жили старые богатые и нынешняя мейнстримная Америка. В последней люди почти не читают газет, а нередко просто плохо понимают то, что в них написано (ну, прямо как наш Черномырдин, а ещё раньше — такие члены брежневского Политбюро, как Кириленко и Подгорный), зато много смотрят телевизор (35 часов в неделю), но не новости, а ток-шоу, по сравнению с которыми будто бы проходящие под ложным "тупой и ещё тупее!" программы каких-нибудь корневых или малаховых покажутся верхом интеллектуальной илги.

Особое место в жизни НВК занимает планирование будущего детей: они учатся в элитарных школах среди себе подобных и принципиально отсечены от реальной жизни обычной Америки. Из элитарных школ они поступают в элитарные университеты. Как показал в работе "Власть привилегий" ("Power of privilege") Дж. Соарес, в 1990-х 79% студентов из колледжей и университетов первого уровня, т.е. самых престижных и богатых, вышли из верхних 25% американского общества, тогда как из нижних 25% — только 2%. В элитарных школах верхушка варится в собственном соку, её образование принципиально отделено от повседневного опыта людей.

В социально-экономическом плане классовой

профиль высшей школы США резко изменился по сравнению с 1960-ми годами. Дело теперь не только в деньгах, но и в ином. Из-за плохого, низкого уровня американских школ, помимо денег, у детей из нижних и даже ниже-средних групп не хватает определённых культурно-интеллектуальных качеств для обучения в элитарных университетах: ни абстрактно-логических способностей для обучения на технических и естественно-научных факультетах, ни развитой речи для обучения на гуманитарных факультетах.

Когда в 2007 г. я читал лекции в одном из амери-

канских университетов (весьма престижном), я познакомился с профессором философского факультета этого университета. На мой вопрос: "Наверное, ваш факультет не пользуется популярностью? Кого интересует в нынешней Америке философия?" Я получил следующий ответ: "Философия, действительно, мало кого интересует. Но факультет пользуется популярностью. Здесь учат тому, чему не учат

в школе и что совершенно необходимо для биз-

неса, административной службы и политической

карьеры, а именно — умению рационально мыс-

лить, чётко и доказательно излагать свою точку

зрения и убедительно спорить". Здесь необходимо

отметить, что исчезновение искусства спора свя-

зано не только с образованием, но и с отмиранием

на Западе, включая США, политики как особого

явления. К. Лаш, автор замечательных работ ("Куль-

тура нарциссизма", "Восстание элит" и др.) прямо

говорит о том, что "утраченное искусство спора —

результат деполитизации общества, в том числе —

исчезновения настоящих, содержательных полити-

ческих дебатов и замены их политическими

ток-шоу, т.е. оскорбляющей человеческое и граж-

данское достоинство тупой базарной болтовнёй. У

деполитизации есть ещё одно следствие — депро-

фессионализация журнализма, превращение его

либо в гламурную писанину, либо в пропаганду. Не

случайно всё чаще появляются книги с названиями

типа "Конец журнализма" (ред. А. Чарлз), "Продаж-

ные журналисты" (У. Ульфкотте), "Сексуализация

медиа" (Д. Мерскин) и др.

Возвращаясь к философии как средству рацио-

нально-логического ликбеза для выходящих из

"среднего класса", задаётся вопросом: разве это

не показатель деградации массовой школы в

США? Здесь и сейчас я не говорю о деградации

нашей школы, средней и высшей, как следствия

ЕТЗ, "болошеской системы" и многого другого —

это отдельная тема. В данном контексте для нас важно

другое: нынешняя американская школа закрепляет

умственно-коммуникативные социальные (социо-

биологические) различия между новыми верхами и

низами, и этот разрыв, эта сегрегация нарастают,

приобретая почти кастовый характер.